

218
258

ГАСПАРЬ ТУККДЕВЪ.

БОЕВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ
ЗАПИСОКЪ КОРНЕТА

•• ВЫПУСКЪ 1-й ••

ПЯТИГОРСКЪ.

Электро-механическая Тип. Н-въ К. К. Кибардина.
1916 г.

МУН 0000711
ПЯТИГОРСКЪ
1916 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- 1) Атака Стародубовцевъ по Г-мъ В. Серебрякова Стр. 4
- 2) Въ разъѣздѣ " 5
- 3) Въ боевомъ огнѣ " 10
- 4) На развѣдкѣ " 16
- 5) Послѣднія впечатлѣнія " 31

Предисловіе.

Пробывъ только три мѣсяца въ непрерывныхъ бояхъ настоящей великой войны и къ великому сожалѣнію не успѣвъ умереть смертью воина—я счелъ долгомъ все же принять въ ней мысленно участіе запечатлѣвъ нѣкоторые подвиги нашихъ солдатъ, какъ изъ собственныхъ воспоминаній, такъ и разсказовъ очевидцевъ.

Пусть мнѣ читатели простятъ сухость и сжатость моего языка. Вѣдь выпуски боевыхъ воспоминаній предназначаются въ солдатскія библіотеки, гдѣ не любятъ книжекъ, прикрашенныхъ эффектами досужей фантазіей.

И тѣмъ лучшимъ пособіемъ послужать мои выпуски Высочайше учрежденной „Трофейной Комиссіи“, чѣмъ меньше въ нихъ будетъ безсодержательнаго краснорѣчія.

Думаю, что многіе кому суждено вернуться съ кошмарнаго поля нынѣшней войны въ мирную обстановку, будутъ рады вспоминать эпизоды боевой жизни.

А в т о р ь.

Атака Стародубовцевъ подъ Г—чемъ.

Ура, драгуны удалые,
Потомки старыхъ кирасиръ!
Врага разить вамъ не впервые
И поддержать родной мундиръ;
Вашъ подвигъ—яркая страница
Въ скрижаляхъ славы полковой
И имъ по-истинѣ гордится
Семья всей конницы лихой.
Не рой погибельныхъ циклоновъ
Въ ущельяхъ Сана прогудѣлъ,—
То строй драгунскихъ эскадроновъ
На ширь кровавый пролетѣлъ;
Подобно смерчу, урагану,
Несли драгуны «на ура»,
Всякъ забывалъ тутъ даже рану,
Настичь желая лишь врага;
Что было дальше, всѣмъ извѣстно!..
Погибшимъ доблестно—хвала!
Пріютить ихъ Отецъ Небесный
Отъ старшихъ всѣхъ и до мала;
Храбрѣйшій Войновъ—ветеранъ
На павшихъ съ гордостью взираетъ,
А васъ, живыхъ однополчанъ,
На доблесть вновь благословляетъ.
Чтобъ такъ и впредь Стародубовцы
Завѣты дѣдовъ берегли
Въ вѣнокъ безстрашья и отваги
Чтобъ лавры новыя вѣтели.

Викторъ Серебряковъ.

Въ разѣздѣ.

Впереди вела конница развѣдку и, тащущая врага, предоставляла пѣхотѣ бить его.

Мы гнали австрійцевъ безъ отдыха, повсюду полки наши, покрывая славою русское оружіе.

Неисчислимыя трофеи и плѣнные, захватываемые нами, истощали армію противника, а мы, воодушевляемые и увлекаемые безпримѣрными подвигами, закалялись и крѣпли.

«Славная венгерская конница» разбита и деморализована...

.....
12 августа я получилъ задачу развѣдать силы противника въ направленіи К.—В.—Р.

Съ разѣздомъ въ 18 драгунъ двинулся въ путь—дорогу.

Повсюду насъ встрѣчали и привѣтствовали признательныя бѣженцы-русины и поляки. Въ деревняхъ и селахъ намъ выносили хлѣбъ, молоко и воду. Они благодарили насъ за избавленіе ихъ отъ варваровъ и благословляли на дальнѣйшіе подвиги.

Часто попадались австрійскіе дезертиры и оставшіе солдаты, сообщавшіе намъ, что наши войска, особенно кавалерія, навели панику на австрійцевъ, и, что они, не успѣвая отступить подъ дружнымъ натискомъ русскихъ.

Развѣдывая противника, собирая о немъ свѣдѣнія и направляя дезертировъ въ наши этапы, мы къ вечеру достигли д. Ж. на рѣкѣ З. Л., гдѣ пытались переправиться, но непріятельская пѣхота отбросила насъ въ сторону м. Б.

Изъ находившагося въ недалекомъ имѣніи Потоцкаго выслѣдили отступавшія австрійскія войска на Львовъ.

Б. было занято эскадрономъ австрійскихъ уланъ, которые прикрывали отступление.

Передъ нами провезли нѣсколько фуръ съ ранеными.

Когда же стемнѣло, сталъ доноситься медлительный звонъ колокола—австрійцы служили панихиды по павшимъ своимъ воинамъ.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня ворвались было въ одну изъ улицъ Б., но взорванный мостъ на З. Л. заставилъ повернуть къ югу, гдѣ смѣло прервали телеграфные провода на Р.

Всѣ мосты оказались разрушенными, а броды баррикадированными; въ другихъ же мѣстахъ рѣки были топкія болота и тины или крутые берега, вследствие этого направились по восточному берегу къ ущѣлѣвшему желѣзнодорожному мосту у ст. П. Не доѣзжая будки, на противоположномъ берегу рѣки, мы замѣтили направлявшійся туда же полуэскадронъ австрійской кавалеріи.

Быстро спѣшивъ разѣздъ за насыпью, я съ десяти драгунами открылъ огонь по непріятелю. И какъ ни странно, а полуэскадронъ не разсыпалъ строй, продолжая рысать въ колоннѣ по четыре, и только отъ нашего огня онъ рѣдѣлъ.

Какъ на зло намъ, въ это время подоспѣли къ намъ на помощь два разѣзда и заняли мостъ желѣзной дороги и бродъ у д. П. У послѣдней деревни завязали мы ожесточенную перестрѣлку и хотя мы и перебили заставу, однако, не могли переправиться, такъ какъ взводъ новой кавалеріи показался изъ лѣсу, направляясь стѣпно къ намъ.

Къ счастью въ это время подходили наши саперы.

Съ ихъ помощью, хотя съ чувствомъ досады, мы переправились черезъ Л., а непріятельскій разѣздъ,

уклонившись отъ столкновенія, отошелъ на высоту. Мы помчались въ лѣсъ, благословляемые пожеланіями веселаго сапернаго поручика С.

Поминутно сталкиваясь съ бѣженцами и звѣрями, какъ дикія кошки прячась, прислушиваясь, высываясь изъ лѣсу—мы продвигались въ сѣверо-западномъ направленіи, оставляя лѣвѣе м. Р.

Медленно наступали сумерки, лѣсъ сталъ рѣдѣть. Скоро справа показалось и рогатинское шоссе: на немъ стоялъ мальчикъ и при видѣ нашего разѣзда сталъ усиленно бить палкой, поднимая клубки пыли. Я обратился къ драгунамъ:

— Ребята, вонъ видите, мальчикъ даетъ знать своимъ, ударяя палкой по пыли:—смотрите въ оба!

— Этъ,—австрійская дрянъ,—въ отвѣтъ обругались драгуны.

Въ то же время непріятельскій разѣздъ вышелъ со стороны Р., а справа торопясь подходило къ намъ нѣсколько ихъ пѣхотинцевъ.

Я галопомъ пробился съ разѣздомъ впередъ и заскочилъ въ лѣсъ.

Наступила ночь. Мы пробирались въ густомъ лѣсу, ежеминутно останавливаясь, освѣщаемые непріятельскимъ прожекторомъ.

Около десяти часовъ вдругъ началась перестрѣлка со стороны сел. Д. Прожекторъ остановилъ свѣтъ на насъ. Мы не двигались... Такъ простояли болѣе полчасъ, когда, наконецъ, стихла перестрѣлка и мракъ окуталъ насъ.

Мы перемѣнили стоянку, но всюду гнала насъ злючая крапива; рвали одежду и кололи насъ сучья деревьевъ; подъ ногами, путаясь, хрустѣли сухія вѣтки; лошади, переминаясь съ ноги на ногу отъ жалищихъ комаровъ и оводовъ, во время стоянокъ, поминутно погружались въ топкую почву и густой бурьянъ, помахивая куцыми хвостами.

Чуть свѣтъ двинулись къ ст. П., надѣясь раздобыть тамъ нужныя свѣдѣнія. По выходѣ изъ чащи лѣ-

са, мы наткнулись на двухъ австрійскихъ верховыхъ лошадей съ полными вьюками. Дозорные мои бросились впередъ, но сѣдоковъ нигдѣ не оказалось. Изъ кобура офицерскаго сѣдла я вытащилъ карты, съемки и книжки донесеній. Онѣ сообщали о движеніи нашихъ колоннъ къ Б.

Отправивъ лошадей со срочнымъ донесеніемъ начальнику дивизіи, я продолжалъ движеніе къ ст. П., спускаясь къ шоссе въ горномъ ущельѣ.

Подъѣзжая къ станціи, дозоръ донесъ мнѣ, что эскадронъ непріятеля садится на коней на дорогѣ П.—Д. Я догадался, что это была непріятельская заставка, и желая избѣгнуть неравнаго столкновенія съ ней, ввелъ разъѣздъ въ село П.

Разсыпавшись справа по одному, во избѣжаніе потерь отъ внезапнаго нападенія, проѣхали рысью одну улицу и свернули на центральную, ведущую на д. Д. Тутъ при изгибѣ улицы навстрѣчу показался намъ австрійскій драгунскій разъѣздъ, всего въ 40 шагахъ. Головное отдѣленіе ихъ повернуло назадъ, породивъ замѣшательство. Я скомандовалъ своимъ—въ атаку маршъ-маршъ. Задержавшись, пока драгуны сомкнули развернутый строй, и разстроивъ непріятеля огнемъ изъ револьвера, съ обнаженной палкой я врѣзался въ кучу непріятельскихъ драгунъ... они не всѣ успѣли вынуть палашей и смялись подъ ударами нашихъ пикъ и пашекъ... они бросились бѣжать, но мы ринулись ихъ добивать. Я нагналъ здороваго рыжаго калрала и, намѣреваясь снести ему голову, ударилъ по карабину на плечѣ, но лишь палка зазвенѣла; второй ударъ пришелся по каскѣ и также обманулъ меня, и въ этотъ же моментъ сверкнулъ палашъ... но, пронзивъ его въ животъ, свалился съ коня... Поодаль отъ меня, красиво дрался унтеръ-офицеръ Крыжановскій съ упорно фехтовавшимъ противникомъ, но вторая минута поединка свалила и этого молодца...

Мы быстро уходили къ д. Д., боясь быть застиг-

нутыми непріятельской заставой... Въ Д. на улицѣ валялись непрібранные трупы австрійцевъ, зарядные ящики. Я вспомнилъ ночную перестрѣлку.

Къ намъ навстрѣчу изъ церкви вышли два гусара А—аго полка. Они мнѣ доложили:

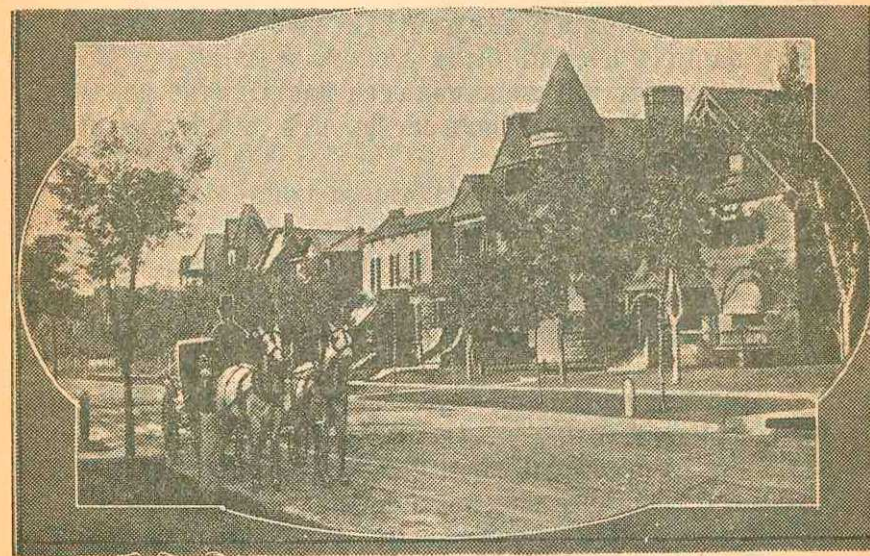
— Мы были въ развѣдывательномъ эскадронѣ ротмистра Панаева *). Вчера съ ночи эта австрійская рвань пропустила насъ впередъ и ударила сзади, а спереди ихъ бригада была. Ихъ высокоблагородіе повели насъ въ атаку, да тако и убили его. А больно храбръ и хороше былъ командиръ.

— Что же вы тутъ дѣлаете?—спросилъ я ихъ, скрывая свою скорбь и слѣзая съ лошади.

— Въ церкви ихъ тѣло лежитъ...

Вокругъ лежали обломки а—ой эскадронной повозки, русскихъ и австрійскихъ винтовокъ,—трупы лошадей, сѣдла, шинели, патроны и пр.

По пути къ Б. я встрѣтилъ миневрировавшую нашу дивизію.

*) Всѣ три брата погибли георгіевскими кавалерами украсивъ вѣчною славой родъ Панаевыхъ. Прим. автора.

Въ боевомъ огнѣ.

Послѣ удачныхъ столкновений, когда русскіе опрокинули австрійцевъ далеко за Львовъ, дивизія наша, со звуками оркестра, вступила въ польско-еврейское мѣстечко Ш., гдѣ ей дано было 2 дня для отдыха, и расположилась въ немъ. Но дивизіи не удалось отдохнуть. Въ первый же день отдыха непріятельскіе аэропланы, ежечасно появлявшіеся въ воздухѣ, сбросили въ мѣстечко нѣсколько бомбъ, не причинивъ намъ вреда.

Тоже самое продолжали аэропланы и на другихъ участкахъ фронта, обнаруживъ тѣмъ самымъ австрійскій планъ о предстоящемъ серьезномъ сраженіи съ ихъ стороны.

Кавалерійская развѣдка и бдительность сторожевыхъ нашихъ постовъ была усилена и къ вечеру 25 августа замѣтили обозначившееся наступленіе передовыхъ частей австрійцевъ на фронтѣ днѣстровской укрѣпленной линіи.

Ночью были сбиты нѣкоторыя наши заставы, а утромъ противникъ, открывъ ураганный артиллерійскій огонь, повелъ наступленіе къ м. Ш., откуда навстрѣчу вышла наша дивизія, имѣя задачей задержать наступленіе противника до подхода нашей пѣхоты.

Полтора часа нашего боя не остановилъ бѣшеный натискъ врага, а только ожесточилъ его, пока не вступили съ нимъ въ равный бой наши пѣхотинцы. Мы же, отведенные назадъ, получили новую задачу: слѣпить къ д. Н. и поддержать Д—й пѣхотный полкъ.

Черезъ 2 часа, пролетѣвъ тридцать верстъ вдоль фронта подъ огнемъ артиллеріи, дивизія наша частью

слѣпила на указанномъ мѣстѣ и, выславъ конныя развѣзды, присоединила къ себѣ Д—й полкъ, который сообщилъ, что австрійцы разбиты и позиція удерживается впредь до особаго приказанія. Аррьергардные бои закончились при насъ и мы размѣстились въ д. Н., не разсѣдывая лошадей и не снимая амуниціи. Всѣ мы жаждали боя, но лишь одиночныя орудійныя выстрѣлы и неутихавшій шумъ битвы у м. Ш. первировали насъ и заставляли вздрагивать сильно уставшихъ лошадей.

Ночью, и на разсвѣтъ 27 августа, наша развѣдка открыла вновь наступленіе противника и наши передовыя части отошли на позиціи.

Нашъ полкъ занялъ юго-западную окраину д. Новоселки, имѣя передъ собой возвышенность съ кладбищемъ, а за нимъ въ низинѣ лѣсъ. Вправо отъ насъ сидѣли въ окопахъ испытанныя роты Д—го полка, влѣво—уланъ и гусары.

Бой постепенно сталъ разгораться на флангахъ и достигъ высшаго напряженія, когда въ центрѣ сошедшій пятый эскадронъ открылъ стрѣльбу по кладбищу, на которомъ появились австрійцы.

Я волновался, долго дожидаясь врага. Командиръ эскадрона ротмистръ Б—въ зорко слѣдилъ и наблюдалъ изъ-за хворостянаго забора.

Я сидѣлъ за большимъ деревомъ, ежеминутно поглядывая въ бинокль.

— Слишкомъ ужъ засидѣлись безъ дѣла въ канавѣ: Неужто военное счастье стало мнѣ измѣнять, — думалъ я, — а рвется душа въ бой...

И мысли мои на томъ прервались: внезапно передъ глазами изъ низины, какъ «свиньи», сторбившись, сомкнуто появились несмѣтные полчища синихъ австріяковъ.

— Ребята, огонь! — приказалъ своимъ драгунамъ.

...Строй врага на разстояніи 50—60 шаговъ остановился и, бросившись на земь, открылъ двухъ-

ярусный огонь, который полетѣлъ надъ нашими головами. Офицеръ съ обнаженной шапкой, пытавшійся поднять въ атаку австрійцевъ, какъ скопченный колосъ свалился, водрузивъ шапку въ землю; его участь постигла и его послѣдователей.

Ружейная трескотня на насъ сосредоточила и артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ. Снарядъ за снарядомъ разрывался предъ нами и надъ нами; взрывалась всюду земля, падала и снова поднималась и осыпала насъ осколками; разрывались съ шумомъ и трескомъ деревья. Строй за строемъ чередовалъ врагъ; ложился и превращался въ груды тѣлъ... Снаряды превращали воздухъ и землю въ горящую лавину и вмѣстѣ съ ней смѣшивались крики, стоны и взлетающіе куски разрывавшихся труповъ. Грохотъ орудій, рокотаніе пулеметовъ и трескотня ружей оглушали всѣхъ.

Творился адъ кромѣшный.

И въ этомъ огнѣ горѣли въ подвигахъ лхіе эскадроны С—го полка... *)

И въ маленькой канавѣ, посреди позицій, со мною пріотившей «кучку» драгунъ второго эскадрона, кипѣла работа. Винтовки заряжались съ поразительной быстротой и также снова заряжались... Мы хотѣли одного—страшнаго огня. Сидя на колѣнѣхъ за деревомъ, я мѣнялъ накалявшіяся винтовки...

А съ отдаленныхъ фланговъ бой затихалъ и учащались незнакомые крики.

.....

Вотъ чудомъ доставленъ намъ драгуномъ Кибрадѣ послѣдній ящикъ патроновъ, но и онъ кончается... Внезапно снарядъ ударяетъ по заслонявшему меня дереву и воздухъ снаряда оглушаетъ меня, пуля со свистомъ пролетаетъ подъ мышкой—невольно бросаю винтовку, ординарца шрапнель въ голову уби-

*) Съ честью палъ шт.-ротм. Делло. Прим. автора.

ваетъ и четверо мадьяръ бросаются на меня, но ловкимъ поворотомъ въ канавѣ и мѣткими выстрѣлами у.-о. Толмачевъ кладетъ ихъ на земь...

Рѣдкій огонь, волненіе среди драгунъ.

— Патроны кончаются,—слышится изъ канавы и стрельба быстро затихаетъ.

Австрійцы поднимаются, намѣреваясь броситься въ атаку, но съ неудержимымъ крикомъ «ура», поддержаннымъ справа корнетомъ А—мъ и слѣва поручикомъ Старчевскимъ *) я увлекаю драгунъ въ рукопашную и, вонзая птыки въ спины не сдававшихся, но дрогнувшихъ непріятелей, мы преслѣдуемъ ихъ огнемъ изъ захваченныхъ винтовокъ и патроновъ и затоняемъ въ лѣсъ, гдѣ они, задержавшись огнемъ, отбрасываютъ насъ назадъ и переходятъ въ контратаку, а съ кладбища направляютъ на насъ пулеметъ—мы отходимъ въ свою канаву. Огнемъ изъ австрійскихъ винтовокъ останавливаемъ контратаку противника и съ сосредоточеннымъ огнемъ нашей артиллеріи заставляемъ замолчать пулеметъ на кладбищѣ.

Но неожиданно обстановка опять ухудшается: артиллерія зажигаетъ дома, а справа прорываются австрійцы; бой завязывается во дворахъ и на улицахъ; жители выскакиваютъ изъ страха изъ подваловъ и чердаковъ и попадаютъ на разстрѣлъ, умираютъ женщины, дѣти.

Мнѣ приказываютъ отходить, но нашъ драгунъ, раненный въ обѣ ноги на мѣстѣ рукопашной схватки, молитъ о спасеніи его изъ-подъ непрекращающагося огня. У.-о. Бычковъ подползаетъ къ нему и взваливаетъ на плечи и ползкомъ (съ товарищемъ на спинѣ) пробирается къ нимъ, но оба сраженные остаются тамъ.

Мы быстро отходимъ подъ перекрестнымъ ог-

*) Будучи адъютантомъ съ кучкой ординарцевъ бросился въ атаку. Нынѣ погибъ, оставивъ въ сердцахъ товарищей безсмертныя воспоминанія. Прим. автора.

немъ съ улицъ деревни, сѣверо-западная часть которой занята уже австрійцами.

Мы оставили деревни Н. и К., когда уже стемнѣло.

Австрійцы подожгли, уцѣлѣвшіе отъ артиллерійскаго огня, дома и зарево пожара далеко-далеко отъ деревни освѣтило мѣстность. Горѣли дома, горѣли дѣти, убивались и сжигались жители и издыхали животныя, и надъ своимъ звѣрствомъ ликовала всю ночь безсовѣстная нація, а второй эскадронъ нашего полка оставался наблюдателемъ этого кроваваго зрѣлища съ краснымъ пламенемъ.

...И когда черезъ два дня бѣжалъ на всемъ фронтѣ разбитый противникъ, сдавъ крѣпость М. и оставивъ позиціи, слѣды его жестокаго «германизма», возмущали храброе и нравственное русское войско. И надъ гнусностью врага я презрительно улыбался, когда я объѣзжалъ мѣсто бывшей своей атаки и въ числѣ многихъ напелъ славнаго Бычкова съ спасаемымъ драгуномъ подожженными снопомъ ржи и съ обгорѣлыми головами. Такъ жестоко погибъ Бычковъ, вѣрный девизу русскаго солдата: «самъ погибай, а товарища выручай».

Отступленію принужденъ былъ противникъ, когда сломленъ былъ въ рѣшительномъ бою 29 августа у сел. Линденфельдъ, гдѣ отличилась наша дивизія.

Въ шесть часовъ утра наша дивизія вышла навстрѣчу врагу.

Дивизиону нашего С—го полка подъ командой полковника Д. В. приказано было, сбивъ противника, занять и удерживать западную опушку линденфельдскаго лѣса, что, за выбытіемъ начальниковъ, съ доблестью исполнилъ второй эскадронъ, подъ командой корнета Дзахова, при поддержкѣ «пулеметовъ по-

ручика Венцковича *) и отражалъ яростныя атаки 32 австрійской бригады до семи часовъ вечера.

Въ этомъ же упорномъ бою на лѣвомъ флангѣ А—іе гусары имѣли конную атаку и выбили противника изъ перваго ряда окоповъ, показавъ еще разъ, что слова А—хъ гусаръ не имѣетъ заката **)

На правомъ флангѣ бился 13-й полкъ Желѣзной Бригады Его Величества и въ теченіи дня передъ собой положили неисчислимое количество врага, спокойно и поразительно умѣло отбивая атаки.

Ночью на 30 августа противникъ въ безпорядкѣ отступилъ въ ущелья Карпатскихъ горъ.

*) Погибъ въ этомъ бою, удерживая позицію въ теченіи дня.

**) Полковникъ Трингамъ увлекъ въ атаку свой полкъ и первымъ палъ. Прим. автора.

На развѣдкѣ

I.

Не забудьте, корнетъ, что очень важно выяснить: есть ли тамъ у противника артиллерія.

Этимъ словами напутствовалъ меня генераль К—нъ, начальникъ доблестной N дивизіи, посылая на развѣдку въ Карпатахъ.

Съ развѣздомъ отборныхъ молодцовъ, въ томъ числѣ съ неразлучнымъ кавказцемъ Тхапсаевымъ, я къ вечеру 17 сентября достигъ д. П., благополучно перейдя вбродъ у м. Л., сильно разлившуюся тогда р. Санъ. Предупрежденія встрѣтившаго меня съ эскадрономъ ротмистра А—а объ обнаруженномъ противникѣ въ районѣ Ч.—П.—я счелъ излишними опасеніями.

Мы двигались переменнымъ аллюромъ, прячась; спускались и поднимались по горнымъ тропинкамъ; проходили густой лѣсъ, ведя лошадей по одиночкѣ подъ уздцы; одежда рвалась, поминутно фуражки слетали съ головъ.

Со свойственной С—мъ смѣлостью мы расположились въ одномъ изъ крайнихъ домовъ, гдѣ, какъ рассказали намъ жители, за полчаса до нашего прихода, стояли венгерскіе гусары. Наскоро напоивъ и накормивъ лошадей, закусивши сами чѣмъ попало, драгуны легли отдохнуть, а часть ихъ скрылась на постолахъ.

Въ слабо освѣщенной комнатѣ польскаго пана, гдѣ я остановился, на плитѣ подварилъ мнѣ курицу мой вѣстовой. Съ «галиційскимъ аппетитомъ» я ее быстро обглодалъ; потомъ еще разъ просмотрѣлъ австрійскую карту и ознакомившись съ мѣстностью

предстоящей мнѣ развѣдки—прилетѣлъ на скрипящую кровать, съ соломой. Всю ночь въ ней на меня наступала «галиційская кавалерія».

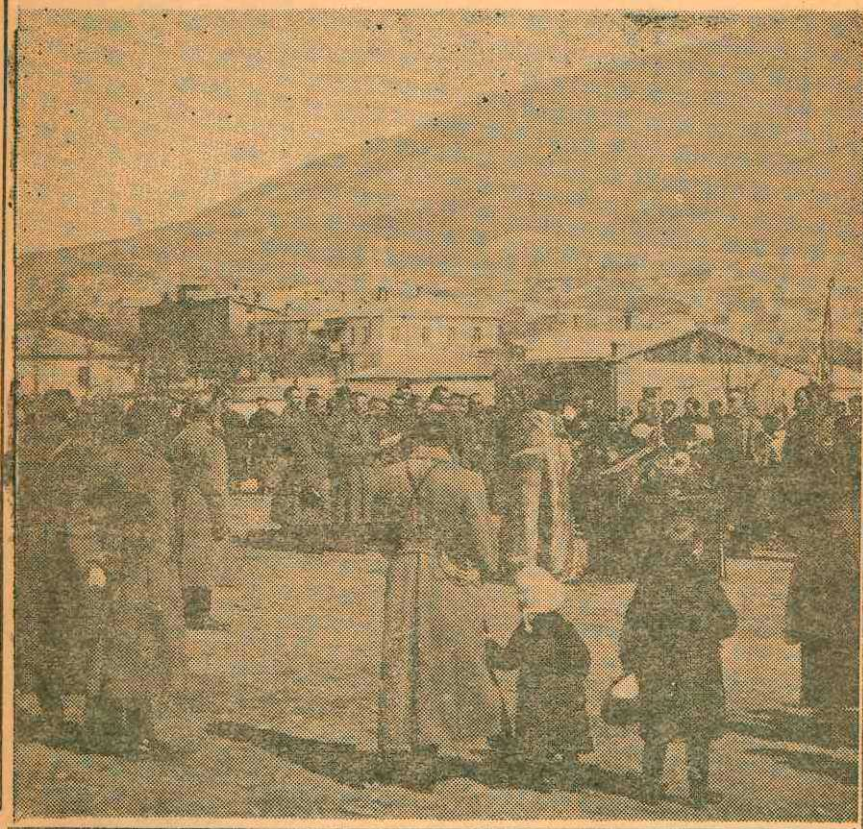
На слѣдующей день рано утромъ я обрекогносцировалъ окрестности селенія М. Найдя ихъ свободными отъ непріятеля—послалъ срочное донесеніе начальнику дивизіи. Дальнѣйшая моя работа заключалась въ развѣдкѣ до подхода дивизіи района Буковско-Карликовъ. Съ выполненіемъ задачи я не спѣшилъ и проночевалъ въ селеніи Н. у ксендза, который насъ по-польски «богато» угостилъ. Онъ же намъ сообщилъ, что вчера проходила австрійская пѣхота, въ сосѣднюю на сѣверѣ, деревню. Повѣсили его управляющаго и еще одного русина за то, что давали хлѣбъ «русскимъ кавалеристамъ». Ксендзъ, прослѣзвившись, говорилъ, что молили ихъ еще свѣжи на кладбищѣ. Съ болью въ сердцѣ я отмѣтилъ это въ записной книжкѣ.

Съ разсвѣтомъ 19 сентября двинулся съ развѣздомъ и съ сѣверо-востока подступилъ къ Б. со всемімъ предосторожности. Увѣренія встрѣчныхъ евреевъ, что въ Б. австрійскія войска отсутствуютъ—я принялъ къ свѣдѣнію. Но головной мой дозоръ все не возвращался. Многіе жители при видѣ развѣзда, прятались, но тѣмъ не менѣе, я въѣхалъ въ мѣстечко. Черезъ двѣ минуты, недалеко отъ центральной площади, я былъ встрѣченъ безпорядочнымъ огнемъ австрійской пѣхоты съ чердаковъ, оконъ и заборовъ. Быстро повернувъ развѣздъ плечомъ, я по долинкамъ сталъ отходить къ д. Р., но бросившись преслѣдовать насъ полуэскадронъ венгерскихъ гусаръ, вынудилъ меня заскочить въ большой лѣсъ «Великисъ», гдѣ затерявъ свои слѣды, съ развѣздомъ благополучно вернулся на дорогу въ Набѣпаны. Къ этому времени подѣхалъ ко мнѣ дозорный Изотовъ и доложилъ:

— Ваше благородіе, подъ Мудрекомъ убили лошадей и самъ раненъ австрійскимъ пѣх...

Докладъ его прервалъ поднявшійся въ это время дружный хохотъ драгунъ. Я обернулся въ ту сторону, куда смотрѣли драгуны, и увидѣлъ: дозорный Мудрекъ на крестьянской лошади безъ сѣдла, съ огромной палкой въ рукѣ, скакалъ къ намъ. Лихо соскочивъ съ галиційской клячи, онъ браво доложилъ:

— Такъ что, ваше благородіе, когда я проѣз-

жалъ по улицамъ мѣстечка, то жители прятались. Я тогда сталъ допрашивать одну женщину, но въ это время грянули выстрѣлы окаянныхъ, и австріяки убили мою лошадь. Я рѣшился умереть съ честью и, вотъ, ваше благородіе, (онъ показалъ пустыя патронныя сумки), я всѣ патроны пустилъ въ ходъ. Только

когда я былъ обезсиленъ раной въ кисть руки—сталъ бѣжать отъ нихъ черезъ дворы и улицы. Потомъ вижу: лошадка у газды, я вскочъ на нее и былъ таковъ.

— Кто же стрѣлялъ въ тебя?—спросилъ я его.

— Мадьярскіе арестанты, ваше благородіе,—священнная ихъ пѣхота!

— Много?

— Много. Больше полка будетъ въ мѣстечкѣ.

— А кавалерію ихъ видѣлъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, но женщина мнѣ говорила, что есть.

Отглядѣвъ молодца съ головы до ногъ—я увидѣлъ, что всѣ полы шинели его были пробиты пулями. Съ руки, хотя и перевязанной,—текла еще кровь. Похваливъ за находчивость, но подтянувъ за медлительность въ дозорной службѣ—отпустилъ его. Написавъ же донесеніе, снова позвалъ его и приказалъ ѣхать въ штабъ дивизіи съ донесеніемъ. Получивъ пакетъ, онъ улыбаясь доложилъ:

— Вонъ этотъ крестьянинъ (онъ указалъ на старика-русина), Христа ради, просить продать ему клячу, на которой я пріѣхалъ. Какъ прикажете?

Я разсмѣялся весело, а драгуны меня окружили, каждый стараясь сострить что-нибудь. Я приказалъ подарить клячу старику...

На отдыхъ и ночлегъ мы остановились опять въ д. П., а рано утромъ, объяснивъ задачу драгунамъ и получивъ въ отвѣтъ: «Такъ точно, мы—глаза и уши арміи»—направился опять къ м. Б., но съ юго-восточной стороны. Въѣхалъ въ «Великъ лѣсъ» и по тропинкамъ и просѣлкамъ сталъ пробираться на высоту «647». Вскорѣ мнѣ былъ представленъ моимъ дозоромъ австріецъ, котораго драгуны убѣдительно называли «шпіономъ». Шпіонъ говорилъ по-русински, одѣтъ былъ въ синюю изорванную тужурку, брюки, сѣрое кепи и австрійскіе военные ботинки: въ рукѣ онъ держалъ топоръ. Я приступилъ къ допросу плѣннаго, но скоро онъ выдалъ себя, давая то утвердитель-

ные, то отрицательные отвѣты о квартированіи частей 22 австрійской дивизіи въ Буковско-Карликовъ. Военные ботинки и растерянность его заставили меня съ интересомъ продолжать допросъ.

— Зачѣмъ у тебя топоръ?

— Робилъ дровъ, печи поपालити.

На разсмотрѣнномъ топорѣ не оказалось свѣжихъ слѣдовъ отъ рубки.

— Изъ какого ты села?

— А то-жъ русскаго.

— Какого?—начиная злиться, переспросилъ я.

— Съ мѣста Буковско.

— А гдѣ твои родители?

— Въ Сяноки (г. Сянокъ!),—быстро отвѣтилъ онъ.

— Почему же ты самъ изъ Буковско?

Шпіонъ замаялся. Я дернулъ его за туужурку и схватилъ его за грудь—вытащилъ фуфайку. На ней стояла печать 21 гонведнаго полка. Нашъ герой сдѣлался живымъ мертвецомъ. Сомнѣній не осталось: онъ былъ переодѣтый австрійскій развѣдчикъ. Въ это время пришла мнѣ мысль въ голову: переодѣть своего драгуна въ его одежду и исполнить напутственныя слова генерала К—а. Я вызвалъ охотника. Съ радостью согласился полякъ Лукасикъ, который и переодѣлся. На «шпіона» накиннули шинель, а такъ какъ сапоги Лукасика были ему малы, то оставили босымъ. Отведя Лукасика въ сторону, и посылая его въ Б., я сдѣлалъ ему указанія.

— Иди смѣло. Говори только по-польски; прослѣди, что—тамъ, и что дѣлается. Узнай обязательно объ артиллеріи, постарайся самъ увидѣть. Послѣ развѣдки вернешься ко мнѣ вонъ въ этотъ домикъ! (я указалъ ему избушку на полянѣ у высоты «647»).

— А куда прикажете идти, если что съ вами случится?

— Въ сел. Н., оттуда въ дивизію. Понялъ?

— Такъ точно.

— Съ Богомъ!

Съ тяжелымъ предчувствіемъ я двинулся къ лѣсному домику, перейдя въ «Великъ лису» двѣ крутыя, но болотистыя балки. Среди поляны около домика на кучу бросилась съ лаемъ собака. На просьбу драгунъ разрѣшить ее приколотъ шилою, я отвѣтилъ отказомъ. Разрѣшивъ размуштучить и покормить лошадей (крупная ошибка!) я разставилъ дозорныхъ: Гришкова, Дрогайцева и Чинчирадзе, самъ же поспѣшилъ къ большому дереву. Съ него я проводилъ глазами до самаго Б. Лукасика, а потомъ Цейсовскимъ биноклемъ сталъ наблюдать надъ Б., который виденъ былъ, какъ на ладони. Наводя бинокль на всѣ части мѣстечка—въ немъ ясно начерталось: во многихъ дворахъ горѣли костры и двигались люди; видимо тамъ помѣщались штабъ. По размѣрамъ занимаемаго противникомъ мѣстечка—тамъ сравнительно было около полка пѣхоты. Повернувъ бинокль на—Б., на опушкѣ лѣса, на западъ отъ Б., я увидѣлъ три эскадронныхъ коновязи съ лопадями. Сами кавалеристы были въ лѣсу. Кончивъ наблюденіе, я вернулся къ драгунамъ. Собака отчаянно продолжала лаять.

Я вошелъ въ избушку. Мнѣ представилась картина: въ углу хаты стоялъ господинъ съ большимъ рубцомъ на губѣ, и робко смотрѣлъ на меня; женщина качала въ люлькѣ ребенка; босая дѣвочка жала къ матери; тутъ же находился плѣненный нами австріецъ съ нашимъ драгуномъ.

— Слава Іисусу,—поздоровался я съ ними.

Сбросивъ перчатки и хлысть на столъ, я взялъ карту и просмотрѣлъ дороги, ведущія съ занимаемой нами высоты. Потомъ сталъ обводить краснымъ карандашомъ горную дорогу, которая вела на Б. и сворачивала на Востокъ. Ее я намѣтилъ, какъ дорогу отхода на всякій случай. Но работу мою прервалъ Дрогайцевъ, влетѣвшій въ хату съ крикомъ:

— Ваше благородіе, пѣхота окружаетъ...

Я выбѣжалъ изъ хаты: австрійцы подходили съ рѣдкимъ огнемъ полукругомъ, радіусъ котораго равнялся 200 шагамъ.

Я поспѣшно приказалъ отступить по дорогѣ на Б. Вѣстовой Коболадзе съ волненіемъ подвелъ мнѣ моего «Зоркаго», недавно реквизированнаго австрійскаго, плохо выѣзжаннаго коня. Лошадь безпокоилась, а вѣстовой ее упорно мунштучилъ до тѣхъ поръ, пока пуля не сбила мунштукъ. Сбѣвъ на лошадь и приказавъ «утекать» самому вѣстовому, я припширилъ ее. Не выѣзжанная лошадь занесла меня въ огорождъ, гдѣ меня и сбросила подъ выстрѣлами (правда плюхой сѣдокъ?). Зоркій весело умчался за товарищами, а я сталъ убѣгать подъ выстрѣлами австрійковъ. Отглядываясь назадъ, я разобралъ, какъ 14 человѣкъ пустились за мной въ погоню съ крикомъ хальтъ-виръ-нихтъ верденъ тотенъ (стой—васъ не убьемъ). 10 человѣкъ бросились по лощинѣ справа перерѣзать мнѣ дорогу. У привязанныхъ лошадей Дрогайцева и Гришкова столпились проклятые и изъ кобуръ вытаскивали бѣлье, патроны и проч.

Я бѣжалъ съ револьверомъ въ рукѣ,—нѣсколько разъ кувыркался; нѣсколько разъ останавливался, чтобы передохнуть, пули гнали меня. Преслѣдователи стали меня нагонять, когда сбросили съ себя шинели и амуницію. Видимо они рѣшили во что бы то ни стало поймать меня живымъ. Присѣвъ за камнемъ, я отстрѣлялся 7 патронами «Нагана». Продолжая же бѣжать, я заряжалъ револьверъ, но изъ 14 запасныхъ патроновъ я вложилъ только 6, съ которыми я и вступилъ въ бой съ перерѣзавшими мнѣ дорогу австрійцами. Спасенія не было, но позорному плѣну предпочиталъ смерть. Въ этотъ критическій моментъ Тхапсаевъ съ драгунами подоспѣлъ мнѣ на помощь... Я былъ спасенъ, а австрійцы перебиты.

На быстро подведенныхъ лошадяхъ коноводами, мы помчались къ Н., вѣрные наказу кавалерійскому развѣзду: «Не драться, а развѣдывать».

Взвившійся надъ нами аэропланъ долго преслѣдовалъ насъ, пуская двукратные дымки.

Изъ д. Р. послалъ донесеніе начальнику дивизіи. Привожу копію его съ полевой книжки:

Начальнику N дивизіи.

1914 г., 20 сентября изъ д. Р.

10 час. 40 мин. дня. Австрійская карта 13¼ вер. дм.

Въ Б. и его окрестностяхъ обнаруженъ противникъ силою около полка пѣхоты и 3 эскадроновъ кавалеріи. Имѣлъ столкновение въ «Великѣ лисѣ», гдѣ былъ пойманъ мною австрійскій, переодѣтый въ штатское платье, развѣдчикъ. Немедленно съ него была снята одежда, которую я приказалъ одѣть на себя драгуну Лукасика и пойти въ Б. и опредѣлить непріятельскія войска. Послѣ личной рекогносцировки, которой опредѣлили полкъ пѣхоты и дивизионъ кавалеріи австрійцевъ въ Б., я былъ съ моимъ развѣздомъ окруженъ взводомъ пѣхоты. Ушавъ съ лошади, меня австрійцы преслѣдовали, стараясь поймать живымъ. Къ счастью доброволецъ Тхапсаевъ подоспѣлъ мнѣ на помощь и, будучи самъ сильно ушибленъ въ щеку отъ прыжка съ лошади, геройски помогъ мнѣ отбиться. Потери—три драгуна и 2 лошади. Продолжаю развѣдку.

Уставшіе и опечаленные потерей товарищей Дрогайцева, Гришкова и Лукасика,—мы ѣхали на востокъ.

Нападеніе австрійцевъ драгуны сваливали на Лукасика и на всѣ лады ругали его. Я вмѣшался въ разговоръ:

— О чемъ это, ребята, спорите?

— Какъ же, вапте б-діе, Лукасикъ выдалъ насъ.

Еще въ позалпрошлый годъ онъ бѣжалъ въ Австрію изъ Волочиска. Онъ безпремѣнно измѣнилъ и теперь намъ. Ето мало повѣсить...

Я ничего не отвѣтилъ. Самъ же погрузился въ думы. Вспомнилъ настойчивый лай собаки, господи-

на со шрамомъ на губѣ, проклятаго пиліона, нападеніе... Сегодня четвертый день,—думалъ я,—а дивизія наша не приходитъ, чтобы это значило.

Тоскливо и тревожно становилось на душѣ... Сильный туманъ ползалъ по долинѣ. Р. Ославазмѣйкой извивалась къ югу. Становилось холодно. Пошелъ дождь, а потомъ густыми хлопьями снѣгъ... Карпатскія горы постепенно прятались во мракъ, скрывая величаво блестящія недавно верхушки...

Вглядываясь въ даль, разсмотрѣлъ вскорѣ въ бинокль, какъ на встрѣчу намъ спускались съ восточнаго берега пѣшие и конные. Я послалъ дозоровъ, но они во всю прыть, осыпаемые градомъ пуль, вернулись и доложили, что это—австрійцы. Мы были въ ловушкѣ. Оріентировавшись по компасу, галопомъ подъ огнемъ противника повелъ разъѣздъ къ д. П. Но мы всюду нащупывали врага. Выбѣжавшая къ намъ русинка, у которой мы въ лавкѣ закупили недавно хлѣбъ, дала знать, что въ деревнѣ есть австрійцы. Мы бросились на востокъ и рысью поѣхали черезъ лѣсъ.

Въ пять часовъ вечера мы подѣзжали къ р. Слану при д. З. Здѣсь я рассчитывалъ встрѣтить своихъ, но мои расчеты нашли австрійцевъ. Какъ разъ, когда мы переходили бродъ, бывшіе холерно-больные, осыпали насъ пулями. Одно за другимъ стало раздаваться со стороны порога С.

— Зжъ-зжъ-зжъ! Зжъ-зжъ-зжъ!

Потомъ оглушающее «бухъ» и трескъ. Это ревели австрійскіе «чемоданы».

Стемнѣло, когда мы приближались къ д. Л., въ девяти верстахъ отъ которой должна была быть стоянка нашей дивизіи.

По дорогѣ я спросилъ о нашихъ желѣзнодорожнаго будочника. Послѣдній сообщилъ, что сегодня утромъ австрійцы перешли въ наступленіе, а русскіе отошли.

Изъ Луковицы послалъ донесеніе съ Тхалсаевымъ и потомъ расположились отдохнуть и поѣсть...

II.

21 сентября дивизія стояла въ У. Черезъ полчаса по прибытіи, я былъ принятъ съ докладомъ у генерала К—а. Холодный, почти злившійся на меня, генералъ меня поразилъ быстро брошенными мнѣ вопросами:

— Грѣхъ на вашей душѣ за Лукасика! Вы не имѣли права ему приказать пойти лазутчикомъ. Теперь его навѣрно повѣсили!?

Смутное непонятное ощущеніе захватило меня, но генералъ продолжалъ:

— Вы могли его вызвать охотникомъ...

— Я смекнулъ тогда въ чемъ дѣло и поспѣшилъ доложить, что Лукасикъ именно вызвался самъ.

— Но въ донесеніи своемъ вы приказали,—наставительно продолжалъ онъ,—вы могли попросить... Не дѣлайте другой разъ ошибокъ и такихъ большихъ потерь. Ступайте.

Голова отказывала мыслить, сердце ныло отъ обиды и досады. Я ждалъ благодарности, но увы!—получилъ, какъ школьникъ, нотацию.

Офицеры сочувствовали мнѣ и, утѣшая, говорили:

— Вотъ увидите, получите Владимира.

Я никакъ не могъ успокоиться. И какъ меня нашъ батюшка не старался угостить чернымъ кофе, я оставался хмуръ и несносенъ.

Настушила ночь. Штабъ-ротмистръ А—ій, батюшка и я лежали на соломѣ въ халугѣ.

Скоро мои сосѣди заснули «богатырскимъ сномъ», а я все думалъ и думалъ...

Въ половинѣ перваго часа ночи дверь скригнула и вошелъ вахмистръ Кононецъ. Наклонясь ко мнѣ, онъ тихо спросилъ:

— Ваше благородіе, не спите?!

Я поднялся и сѣлъ. Кононецъ улыбаясь сообщилъ:

— Лукасикъ, Дрогайцевъ и Гришковъ вернулись!

— Что? Какъ? Гдѣ? Скорѣй!

Какъ безумный я вылетѣлъ изъ халупы. Тѣ драгуны, ради которыхъ я такъ страдалъ и не зналъ покая, стояли передо мною. Такъ и расцѣловалъ ихъ. Лукасикъ, переодѣтый въ черныя диагоналевые брюки, сюртукъ и цилиндръ, съ приложенной къ нему рукой, невольно заставилъ меня весело разсмѣяться.

— Ну, теперь, Лукасикъ-голубчикъ, Расскажи кратко свои похождения,—началь я,—есть ли тамъ артиллерія и сколько:

— Такъ точно—семь орудій!

— Рассказывай постепенно съ начала.

— Слушаюсь. Когда я вошелъ въ Б., то на улицахъ меня задержали патрули и начали говорить что то по-нѣмецки, но я имъ объяснилъ, что говорю лишь по-польски. Сейчасъ же они отпустили меня. Встрѣчанаго же крестьянина я началъ разспрашивать о судьбѣ моего брата.

— Разумѣется, выдумалъ,—шпрервалъ я его.

— Конечно, ваше благородіе.

— Хорошо!—продолжай.

— Попутно же я разузнавалъ о количествѣ и родѣ оружія. Узналъ, что семь пушекъ стояли во дворѣ замка. На всѣ мои вопросы онъ охотно отвѣчалъ, но постоянно съ тревогой оглядывался и понижалъ голосъ. Въ это время проходилъ второй патруль. Крестьянинъ быстро скрылся отъ меня, а я подошелъ къ солдатамъ и попросилъ папиросы. Вотъ у меня еще здѣсь есть.

Лукасикъ пытался вынуть папиросы изъ кармана, но я его предупредилъ, сказавъ:

— Продолжай дальше, какъ ты бѣжалъ.

— Когда патруль ушелъ, послышалась перестрѣлка съ вальной стороны. Я пошелъ скоренько по другой улицѣ. Вижу—господинъ въ цилиндръ стоитъ у воротъ и разинулъ ротъ. Я его оглушилъ ударами

по головѣ; стащить съ него одежду тутъ же и Богъ миловалъ въ новомъ одѣяніи.

Тутъ какъ тутъ и лошадка нашла—вскочилъ на нее и далъ ходу. Потомъ вижу у д. В. утекаютъ и Дрогайцевъ и Гришковъ. Я имъ сталъ кричать, а они отъ меня бѣжать. Тогда имъ кричу: Я—Лукасикъ, куда, братцы, удираете. Тутъ они меня узнали...

— Ну, голубчикъ,—поздравляю тебя заранѣе съ крестомъ и спасибо за службу, а дальше расскажетъ Дрогайцевъ.

— Покорнѣйше благодарю,—радъ стараться.

Дрогайцевъ былъ безъ шинели и винтовки. Онъ началъ:

— Когда я вашему благородію доложилъ, что пѣхота насъ окружаетъ, я кинулся къ своей лошади и началъ ее развязывать, но тутъ проклятые сосисочники схватили меня и обезоружили. Смѣясь надо мною, одинъ солдатъ мнѣ что то по-нѣмецки говорилъ, а другіе опорожняли мои кобуры на лошади. Потомъ повели меня, издѣваясь надо мною, къ избушкѣ. И только что хотѣлъ броситься на меня пойманный нами шпіонъ, какъ началась перестрѣлка. Я воспользовался суматохой и улизнулъ въ лощину, гдѣ столкнулся съ удиравшимъ налѣво Гришковымъ.

— Тебя, братъ, спасъ тоже Тхапсаевъ. Спасибо тебѣ за отвагу.

Дальше началъ Гришковъ, первый развѣдчикъ С—го полка. Онъ мнѣ въ нѣсколькихъ фразахъ рассказалъ, какъ ему удалось бѣжать, спрячась въ лѣсу..

Три эти молодца, просидѣвъ вечеръ въ лѣсу, ночью попали въ г. С. къ генералу К—ръ, начальнику главной кавалерійской дивизіи.

Генералъ ласково разспросилъ ихъ и передавъ письмо къ начальнику нашей дивизіи, направилъ въ части... И вотъ теперь я счастливый—ночью писалъ начальнику дивизіи:

— При семъ препровождаются спасшіеся и вер-

нувшиеся съ честью три драгуна изъ непріятельскаго плѣна.

Начальникъ дивизіи спалъ, но драгуны все рассказали старшему адъютанту.

Утромъ 22 сентября наша дивизія продвигалась впередъ, получивъ задачу прикрывать окапываніе нашей пѣхоты.

Всѣ эскадроны были наготовѣ.

Начальникъ дивизіи со штабомъ проѣзжалъ впередъ. Увидѣвъ штатскаго щеголя (Лукасика!) около меня, онъ спросилъ:

— Кто это?

— Лукасикъ, ваше приство,—отчетливо отвѣтилъ нашъ герой.

— Представить къ наградамъ вашихъ молодыхъ,—обращаясь ко мнѣ,—приказалъ генералъ К—ъ и проѣхалъ...

Началось артиллерійское состязаніе. Головной отрядъ нашъ вступилъ въ бой. Я получилъ задачу офицера-наблюдателя. Снова представилась кровавая тризна, снова—арена чудесъ храбрости и героизма нашихъ защитниковъ родины...

III.

13 октября я былъ тяжело раненъ въ бою за обладаніе одной изъ высотъ въ Карнатахъ.

Отъ раны лечился. Отъ ампутаціи ноги отказался.

Зато отъ послѣдствій раненія до сихъ поръ не оправился.

Во время леченія во Владикавказѣ я получилъ, между прочимъ, два слѣдующихъ письма отъ пріятеля Д—а изъ дѣйствующей арміи. Первое:

...«Но интереснѣе всего была судьба пѣшаго развѣзда. Это чудеса храбрости (если тебѣ удастся—напиши въ редакцію). Прежде всего эти восемь человекъ вызвались добровольцами, при чемъ тутъ же поклялись другъ другу не сдаваться живыми въ критическомъ положеніи. Ты понимаешь, одна эта клят-

ва свидѣлствуетъ, какіе это были молодцы. Пошли, перевалили гору и идутъ по лоцинѣ; вдругъ сзади затрещали два пулемета и посыпались мадырскія пули,—они впередъ! Подходятъ къ д. С., но она занята, они въ горы. Наступала уже ночь. Компаса нѣтъ, по которому трудно оріентироваться: холодъ звѣрскій, вѣтеръ, ураганъ, снѣгъ по поясъ. Идутъ дальше; спустились къ д. О.-П. Тхапсаевъ и Будеско забѣжали въ одну халугу, а тамъ говорятъ имъ: «текайте скорѣе, ту—мадыры». Не успѣлъ Тхапсаевъ выскочить, какъ уже мадыры окружили домъ. Тхапсаевъ выскочилъ, ловкимъ ударомъ клинжала выпустилъ одному внутренности, другому разрубилъ плечо... и самъ ходу опять въ гору. Во всей деревнѣ поднялась безпорядочная стрѣльба. Ночь. Въ тылу у нихъ стрѣльба—это навело на нихъ панику и они стали обстрѣливать другъ друга. Наши пошли дальше. Слышать гудокъ—думали, что пришли въ Т., а на самомъ дѣлѣ попали въ Т—ны, гдѣ мадыры выгружали свои эшелоны. Наши ходу отсюда въ противоположную сторону къ д. В., но оттуда погнала и преслѣдовала до д. О.; тутъ Тхапсаевъ споткнулся и полетѣлъ съ горы внизъ,—мадыры за нимъ. Бросили винтовки, чтобы лишь захватить живымъ. Тутъ же трое навалились на нашего старика и онъ только успѣлъ вытащить наполовину пашку усталой рукой. Къ счастью подскочилъ у.-о. Филинъ и дерзкимъ ударомъ приклада онъ снесъ полчерепа мадыру. Подоспѣвшій Абхазовъ двумя мѣткими выстрѣлами изъ револьвера уложилъ двухъ остальныхъ. Потомъ ринулись наши опять въ горы, при чемъ Тхапсаевъ три раза заставилъ поклясться Абхазова, что онъ пристрѣлитъ послѣдней пулей Тхапсаева, если онъ будетъ попадаться еще въ плѣнъ. Ты видѣлъ и видишь такого молодца, какъ Тхапсаевъ, настолько презирающій врага, что не допускаетъ мысли о плѣненіи... Четыре дня безъ пищи, безъ воды скитались по Венгерскимъ лѣсамъ и горамъ; ѣли одинъ снѣгъ, но съ оружіемъ въ рукахъ съ

большими результатами развѣдки вернулись въ полкъ»... *)

Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, товарищъ мнѣ сообщалъ:

...«Да, поступая и избирая военную карьеру, я лично отказался отъ собственной жизни и мечталъ всегда принести жизнь свою на алтарь отечества. Умереть, защищая свое отечество—это, по моему, самая славная смерть. И это понятіе необходимо будущимъ защитникамъ отечества впитать въ себя съ молокомъ матери. Вспомни наше производство еще до войны... Сколько было пыла, энергіи, страсти, какія идеальныя мысли порхали въ головѣ. Какъ бурно, мятежно поднимались наши груди только что вспорхнувши изъ стараго гнѣзда—славной южной школы.

Вдругъ «война». Вотъ насталъ моментъ, когда, наконецъ, могла осуществиться идея «умереть, защищая отечество». Энергіи подбавилось втрое, страсти заговорили сильнѣе: война—такъ мы покажемъ швабамъ и тевтонамъ,—тѣмъ, кто дерзнулъ поднять свой мечъ на престолъ отечества—на Бѣлаго Русскаго Царя.

Мы всѣ безъ исключенія пойдемъ и осуществимъ нашъ идеалъ, которымъ по моему и по твоему были пропитаны всѣ, начиная съ рядового и кончая Нашимъ Батюшкой—Бѣлымъ Царемъ. Но вотъ начались военныя дѣйствія, жестокіе кровавые бои, въ которыхъ вотъ уже девять мѣсяцевъ несу свой крестъ...

Ты, другъ, счастливъ, ты раненъ—исполнилъ свой долгъ; ты пролилъ свою кровь, «защищая отечество»...

Далѣе товарищъ, послѣ подробнаго описанія одного боя на поляхъ Галиціи,—пишетъ:

«И ты знаешь, кто погибъ въ этомъ бою... твой подчиненный сослуживецъ—подпрапорщикъ всѣхъ четырехъ степеней Георгіевскаго креста Тхалсаевъ.

*) Подробности будутъ помѣщены въ выпускѣ II.

Онъ былъ убитъ прапелюю въ голову. Всѣ мы съ солью въ сердцѣ, но съ большими торжествами похоронили его въ м. Нижніовѣ»...

Жаль мнѣ было Тхалсаева. Признаться, я плакалъ по немъ. Съ горечью вспоминаю и теперь его и всѣхъ молодцовъ. Многие изъ нихъ уже покоятся на бранномъ полѣ, но подвиги ихъ живы...

Послѣднія впечатлѣнія

Энергично тѣсня пять дней австрійцевъ на лѣвомъ флангѣ арміи, наша дивизія на шестой день завязала жаркое дѣло подъ сел. Ластовка.

Отчаянно дрались наши славные кавалеристы съ свѣжей пѣхотой противника. Въ теченіе 3—4 часовъ боя мадьяры стойко держались въ окопахъ. Но вотъ подвижныя и дерзкія а—цы ринулись въ штыки; слѣва обошли с—цы; б—цы сосредоточили мѣткій пулеметный огонь; д—ая батарея отчаянно гвоздитъ по окопамъ... Австрійцы бѣгутъ. Преслѣдуя, атакуютъ ихъ с—цы; загоняютъ ихъ въ р. Стрій и рота сдается «потомкамъ кирасиръ»...

12 октября дивизія направилась въ д. Яворо. Не доѣзжая двухъ верстъ—я былъ высланъ изъ головного отряда съ развѣдомъ для рекогносцировки Яворо, какъ важнаго пункта на желѣзной дорогѣ Самборъ—Турка, на пути отступленія разбитаго австрійскаго корпуса.

Вѣхавъ со своими драгунами въ деревню, я былъ встрѣченъ слабымъ огнемъ противника. При соединивши къ развѣзду подоспѣвшую ко мнѣ головную заставу отряда, я сталъ пробиваться съ огнемъ. Но когда справа показалась густая колонна мадьяровъ, я былъ вынужденъ отойти съ развѣдомъ на высоту «785».

Выслѣдивъ обозъ противника и батальонъ пѣхо-

ты, прикрывающій его, поѣхалъ съ докладомъ къ начальнику полковнаго отряда. Перебѣжавшій къ тому времени на нашу сторону австрійскій унтеръ-офицеръ показаніями подтвердилъ мои наблюденія.

Подѣхавъ рысью къ начальнику, доложилъ:

— Господинъ подполковникъ! За этой высотой (785) стоитъ обозъ противника съ батальономъ пѣхоты за полотномъ желѣзной дороги, высота же эта съ очень хорошимъ обстрѣломъ и обзоромъ.

— Ну, батальонъ, — сказалъ подполковникъ К. В. и, повернувъ отрядъ назадъ, выслалъ развѣдывательный эскадронъ съ ротмистромъ бар. Б.

Наступилъ вечеръ. Моросило. Мы расположились на западномъ берегу р. Стрій въ сел. Иссае. Въ девять часовъ вечера стали слышны залпы австрійскихъ винтовокъ со стороны высоты 785. Перестрѣлка продолжалась четверть часа: это обстрѣливали австрійцы эскадронъ ротмистра барона Б., по донесенію котораго на ночь австрійцы заняли высоту 785.

Спать не хотѣлось, да и не могъ заснуть полный мыслями о предстоявшемъ боѣ. Меня мучилъ фактъ, что высоту эту заняли австрійцы, а не мы.

Только подъ утро я задремалъ: снились высоты съ австрійцами...

На утро бой разгорѣлся. Второй и шестой эскадроны нашего полка, бывшіе въ прикрытіи артиллеріи, заняли высоту «796» съ лѣсомъ, имѣя черезъ р. Стрій обстрѣлъ на стратегическій пунктъ 785, гдѣ за ночь австрійцы окопались.

Я со взводомъ находился на правомъ флангѣ позиціи нашего дивизіона.

Австрійцы быстро стали пристрѣливаться разрывными пулями изъ пулеметовъ. Часть ихъ пошла въ обходъ нашего лѣваго фланга, а наши казаки—въ обходъ ихъ лѣваго фланга. Правый боевой участокъ занимали а—цы, которые потѣснили противника.

Послѣ нѣсколькихъ залповъ опредѣлить прицѣль 12. Перестрѣлка становилась ожесточенной.

Шла артиллерійская дуэль... И вотъ въ разгарѣ боя, подбадривая драгунъ, я пошелъ по цѣпи къ другу корнету Д—у, чтобы съ нимъ объединить свои дѣйствія для предстоящей атаки, но вдругъ обожгло мнѣ колѣно и лѣвая нога подломилась, я упалъ: былъ раненъ въ лѣвое колѣно. Подбѣжавшій фельдшеръ сдѣлалъ мнѣ перевязку. Я просилъ оставить меня у цѣпи, но командиръ дивизіона приказалъ нести. Молодцы драгуны снесли съ высоты на шинеляхъ; перевезли въ лазаретной линейкѣ черезъ Стрій къ обозу перваго разряда. Фельдшеръ уланскаго полка сдѣлалъ мнѣ еще перевязку. Кровь все выбивала. Я лежалъ въ линейкѣ...

Рокотаніе пулеметовъ и трескотня ружей, грохотаніе орудій—все сливалось въ одинъ непонятный гулъ. Казалось, что шелъ крупный дождь при громахъ молнии.

Вотъ выстрѣлы стали приближаться. Около меня стали свистѣть пули и подранило нѣсколько лошадей обоза. Вблизи отчетливо раздавалось: зж-зж-зж!.. бухъ, зж-зж-зж!.. бухъ; слышались и разрывы гранатъ: трахъ... трахахъ; пулеметъ методично отливала пули, пилѣль: тик-тик-тик... тик... тик-тик... Битва затихла.

Врачи заглядывали въ линейку и сострадательно спрашивали меня, куда я раненъ.

Въ девятомъ часу вечера обозу спѣшно приказано было отходить назадъ. Успѣхъ склонился на сторону врага. Маленькая, но желѣзная дивизія генерала К—а стала отходить подъ натискомъ превосходныхъ силъ.

Меня везли въ линейкѣ. Обозъ частью застрялъ въ плохой горной дорогѣ.

— Цѣпныя вещи впередъ,—передавали приказаніе начальника дивизіи по обозу.

Увезли денежныя двуколки, увели вьючныхъ лошадей, а линейка моя оставалась въ грязи... и я лежалъ въ ней, изнывая отъ боли разбитаго колѣна.

— А раненый офицеръ не цѣнная вещь,—раздавался злобный голосъ драгуна,—давайте заводную лошадь...

Въ это время подъѣхалъ фельдшеръ и съ денщикомъ моимъ пересадили меня на лошадь амазонкой.

Мучительная боль въ колѣнѣ мѣшала мнѣ дать ясный отчетъ о происходившемъ. У меня былъ жаръ. Мы ѣхали втроемъ. Проѣхавъ около версты, фельдшеръ спрашивалъ меня:

— Ваше благородіе!—впереди стрѣляютъ, куда прикажете ѣхать?

— Ъзжай, голубчикъ...

Но не проѣхали 100—200 шаговъ, какъ снова бормоталъ фельдшеръ, обращаясь къ денщику моему:

— Каптановъ, посмотри, австрійцы идутъ къ намъ. Не что вздумали намъ въ плѣнъ сдаваться. Цѣлый взводъ, наперерѣзъ намъ слѣпить—видишь?

Я слышалъ разговоръ, но, томясь отъ повышенной температуры и боли въ колѣнѣ, продолжалъ такъ же ѣхать, пока меня не перебилъ взволнованный денщикъ:

— Ваше благородіе, австрійцы!

Я приподнял голову и увидѣлъ, дѣйствительно, групу австрійскихъ солдатъ въ пятидесяти шагахъ отъ насъ. Ихъ офицеръ пронзительно смотрѣлъ на меня, однако, не предпринимая рѣшительнаго шага. Я сердито вздохнулъ. Крѣпко сжималъ я рукоять револьвера, въ головѣ у меня пронеслись на минуту родные, товарищи, картины отчаянныхъ боевъ. Я рѣшилъ не сдаваться живымъ. Предупредилъ о томъ же своихъ драгунъ. Мы ускорили ходъ... но на этотъ разъ австрійцы были благородны: они по насъ не стали стрѣлять. Можетъ быть спасъ насъ фельдшеръ съ краснымъ крестомъ на рукавѣ...

Была холодная ночь. Темно, хотя кой-гдѣ выглядывали съ неба звѣзды. Выстрѣлы все отдалялись. Мы приближались къ д. Турже. По дорогѣ мы были

остановлены... тамъ были наши пѣхотинцы, тамъ стояло сторожевое охраненіе Н славной дивизіи. Офицеръ, увидя меня съ закутанной въ одѣяло ногой на лошади, сердито спросилъ:

— Это еще что за чучело?

Ему не отвѣчали. Тогда офицеръ подошелъ ко мнѣ вплотную и, разглядѣвъ погоны, поспѣшилъ извиниться. Я сообщилъ ему въ чемъ дѣло.

— Отдохните у меня въ халупѣ,—говорилъ онъ,—сейчасъ васъ на двуколку повезутъ дальше, а пока выпейте молока,—слѣзайте, корнетъ.

Я поблагодарилъ добродушнаго подпоручика. Мысль о страшной боли въ колѣнѣ при малѣйшемъ движеніи заставила меня отказаться отъ столь необходимаго отдыха, и мы поѣхали дальше.

Въ Туржѣ стоялъ нашъ обозъ. Я рѣшилъ остановиться и отдохнуть здѣсь, но только что хотѣли меня снять съ лошади, какъ въ селѣ поднялся громадный пожаръ.

— Вотъ судьба, ваше благородіе,—съ чувствомъ досады говорилъ фельдшеръ, и везъ меня дальше, ведя лошадь подъ уздцы.

Послѣ долгихъ мытарствъ меня помѣстили у ксендза. У него въ усадьбѣ собрались и офицеры обоза нашей дивизіи, живо толкуя о причинѣ пожара въ связи съ упорствомъ австрійцевъ.

Спустя нѣсколько часовъ, привезли еще раненаго корнета К. гусарскаго А—го полка. Всѣ весело разговаривали, а меня заботливо старался напоить чаемъ нашъ врачъ К. Но я кромѣ воды ничего не принималъ. Общество особенно оживилось, когда было получено приказаніе начальника дивизіи подвезти пицу нижнимъ чинамъ на старое мѣсто. Желѣзная дивизія и на этотъ разъ выдержала натискъ свыше батальона пѣхоты и удержала позиціи за собой. Сдѣйствовали этому особенно казаки с.-у—го полка, занесшіе на страницы своей исторіи новые подвиги при обходныхъ маневрахъ...

Ночь провелъ у ксендза мучительно. Сострадательныя его дочери мило ухаживали за мной, но слишкомъ тяжела была рана, чтобы ясно понимать ихъ сердечныя ласки...

Утромъ 14 октября благодаря заботливости батюшки 2 бригады я былъ отправленъ на крестьянской телѣжкѣ въ г. Самборъ.

Въ придорожныхъ деревняхъ стояли обозы пѣхоты. Во время остановокъ ко мнѣ подходили солдаты съ предложеніемъ поѣсть что-нибудь. Въ одномъ мѣстѣ солдатъ мнѣ принесъ горячій супъ и хлѣбъ и подерживая миску на колѣняхъ, говорилъ:

— Кушайте, ваше благородіе, на здоровье. Дай вамъ Богъ скоро поправиться. А мы ужъ зададимъ арестантамъ Франца.

— А вотъ, ихъ благородію, молоко,—спѣша ко мнѣ, чуть не кричали бѣлоусый солдатъ...

Вслѣдъ за вторымъ солдатомъ подошелъ третій и подалъ моему денщику завернутые въ бумагу котлеты, проговоривъ: «Это имъ на дорогу».

Я былъ тронутъ любовью солдатъ. Обласкавъ и поблагодаривъ ихъ, я приказалъ фурманчику ѣхать дальше.

По дорогѣ нагнала насъ подвода съ ранеными корнетами К. и С. Послѣдній оказался моимъ товарищемъ по выпуску. Мы обмѣнялись продолжительными взглядами и нѣсколькими словами. Потомъ они обогнали насъ...

Карпаты величаво блестѣли. Небо было чисто. Солнце заигрывало со всѣми. Только издали слышалась канонада...

